

УДК 81'23

Е.С. Красноперова
Екатеринбург

**Грамматические лакуны ассоциативно-вербальной
сети: прагматический аспект**

Аннотация. В статье предпринята попытка показать возможную область применения грамматических инноваций в процессе исследования механизмов лингвокреативной деятельности. Грамматическая инновация рассматривается как стимульный материал, способный актуализировать языковую и метаязыковую рефлекссию носителей языка в процессе психолингвистического эксперимента. Креативная грамматическая форма становится инструментом исследования механизмов лингвокреативного мышления.

Ключевые слова: лингвокреативное мышление, креативная лингвистика, психолингвистика, психолингвистические эксперименты, грамматические инновации, грамматические лакуны.

Сведения об авторе: Красноперова Евгения Сергеевна, магистрант первого года обучения Уральского государственного педагогического университета (Екатеринбург).

Контакты: 620017, Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26; evgenia113@gmail.com.

E.S. Krasnoperova
Yekaterinburg

**Grammatical lacunae of the associative-verbal network:
pragmatic aspect**

Abstract. The article describes the functioning of the personal forms of the verb in speech according to the National

corpus of the Russian language. The forms of the 2nd person of the present verb, marked as low-frequency in the associative-verbal network of a native speaker, are studied in the linguopragmatic aspect.

Keywords: linguocreative thinking, creative linguistics, psycholinguistics, psycholinguistic experiments, grammatical innovations, grammatical lacunae.

About the author: Evgenia S. Krasnoperova, graduate student of Ural State Pedagogical University (Yekaterinburg).

Способность носителя языка присваивать и успешно использовать как родной, так и неродной язык описывается в психолингвистике с помощью различных моделей. Одним из наиболее операциональных способов репрезентации и хранения языковых знаний в психике человека и их функционирования в процессах речепорождения и речевосприятия является модель ассоциативно-вербальной сети (далее АВС), разработанная Ю. Н. Карауловым [Караулов, 1993, 2006, 2010]. В этой сети грамматические формы и значения хранятся экзemplарно (отдельными образцами), лексикализовано (в виде конкретных слов и словоформ) и диссипировано, т. е. отдельные элементы совокупности (парадигмы, склонения разряда) распределены между разными образцами и между разными ассоциативными полями [Караулов, 1993, с. 6-7].

Диссипированность и неравномерность распределения грамматической парадигмы конкретного слова по АВС проявляются в неполноте словоизменения и низкой частотности некоторых грамматических форм [Караулов, 1993, с. 52-254]. Можно выделить более частотные формы, которые несут на себе основную нагрузку в речевой деятельности, входят в актуальную грамматику говорящего и менее востребованные им формы [Красноперова, 2017].

На примере глагольных форм можно отметить, что по данным АВС 2-ое лицо изъявительного наклонения глагола представлено в сети крайне редко [Караулов, 1993, с. 38], что находит подтверждение и в данных детской речи. В процессе усвоения родного языка для детей от двух до пяти лет формы 2-го лица изъявительного наклонения глаголов являются неактуальными [Красноперова, 2016].

Корпусная лингвистика предоставляет исследователю новые возможности анализа материала [Борискина, 2009, Дементьев, 2016, Ляшевская, 2016]. Для уточнения данных обратимся к Национальному корпусу русского языка (далее НКРЯ) со снятой грамматической омонимией (<http://www.ruscorpora.ru>). Представим частотность употребления форм 2-го лица изъявительного наклонения настоящего времени глагола относительного общего количества словоупотреблений. Использование разных подкорпусов основного корпуса позволит установить зависимость между частотой употребления форм второго лица и разными сферами функционирования текста.

В подкорпус НКРЯ со снятой грамматической омонимией на июнь 2019 г. входит чуть более 6 миллионов слов из примерно 280 миллионов всего корпуса. Для сбора данных использовался лексико-грамматический поиск с заданными грамматическими признаками: глагол, изъявительное наклонение, настоящее время второе лицо (V, indic, praes, 2p).

Данные по частоте употребления форм 2-го лица настоящего времени глагола представлены в сравнении с формами 1-го и 3-го лица в таблице 1.

Таблица 1

Частота употребления личных глагольных форм
настоящего времени

Грамматическая форма	Количество вхождений	% от общего количества словоупотреблений*
1-е лицо (V, indic, praes, 1p)	32 009	0,53

2-е лицо (V, indic, praes, 2p)	15 054	0,25
3-е лицо (V, indic, praes, 3p)	145 711	2,43

* состав корпуса со снятой омонимией – 6 003 398 слов.

Преобладание в АВС форм 3-го лица глагола над остальными личными формами [Караулов, 1993, с. 37] подтверждается данными НКРЯ на примере личных глагольных форм настоящего времени.

Употребление форм 2-го лица настоящего времени в текстах, относящихся к разным функциональным сферам, представлено в таблице 2.

Таблица 2

Частота употребления форм 2-го лица настоящего времени

Подкорпус (функциональная сфера)	Объем под-корпуса (количество слов)	Количество вхождений	% от общего количества словоупотреблений
Электронная коммуникация	120294	429	0,36
Художественные тексты	3557693	12189	0,34
Церковно-богословская	63242	134	0,21
Обиходно-бытовая	67225	116	0,17
Публицистика	1546367	1969	0,13
Реклама	24296	28	0,12
Официально-деловая	74216	27	0,04
Учебно-научная	546513	162	0,03

Полученные данные нуждаются в некоторых комментариях. Личная форма глагола в собственном значении указывает на участника речевого акта. Формы 2-го лица обозначают отнесенность действия к адресату (собеседнику) или группе лиц, включающих адресата [Русская грамматика 1980]. Ср.: – *Перекур?* – *А ты куришь?* – *переспросил его Огрызков* [Василь Быков. Болото (2001)] (все использованные примеры взяты из НКРЯ). Обобщенно-личное употребление этих форм во множественном числе может сохраняться значение отнесенности действия к собеседни-

ку (или собеседникам). Ср.: – *Вы не возражаете, если я тут поработаю?* [Виктор Кологрив. Медовый луг // «Мурзилка», 2002]. И в самом общем смысле использование этих форм предполагает ориентацию на диалог даже в отсутствие собеседника или имитацию этого диалога. Ср.: *Вообще жизнь в шкафу оказалась не такой уж и скучной, как показалось ей поначалу, ибо и учёное занятие у неё нашлось, и, хочешь не хочешь, она жила жизнью своей квартиры* [Вячеслав Пьецух. Шкаф (1997)].

Электронная коммуникация представляет собой своеобразную «стенографию» речевого акта, поэтому появление в ней форм 2-го лица ожидаемо. Интересно, что это может быть как «живой» диалог, так и высказывание в отсутствие слушателя, но в расчете на него: [Лилия Рэйман, писк] *Дмитрий, Вы понимаете, что государство все свои обязанности взвалило на плечи бизнеса* [коллективный. Форум: 12 часов в день? Не могу согласиться с М. Прохоровым (2010-2011)]; [anutikmor, жен] *И вот смотришь на них всех и надеешься, что все у них будет хорошо* [коллективный. Форум: комментарии к фильму «Все будет хорошо» (2008-2011)]. Обиходно-бытовой подкорпус частично сформирован из материалов личной переписки с той же установкой на беседу.

Художественный текст предполагает как использование глагольных форм в их прямом значении, для передачи диалогической речи, так и в обобщенно-личном для достижения различных эстетических целей.

Богословские тексты предполагают включение собеседника в диалог или его подобие, воздействие и убеждение с использованием как образных, так и рациональных аргументов, возможно, этим и объясняется востребованность форм 2-го лица.

Привлечение внимания путем использования диалоговой формы, прямых вопросов в интервью и риторических в статьях, – весь этот набор средств используется в публицистике и основывается на употреблении глагольных форм

2-го лица. Рекламные тексты характеризуются практически такой же степенью употребимости рассматриваемых форм, применяемых, как представляется, с той же целью. Ср.: *А уж если вы **хотите** забраться так далеко, чтобы в нескольких километрах от вас ни одной живой души не было (заветная мечта новых русских), как тут обойтись без автомобиля* [Федор Беркутов. Куда хочу, туда качу (2000) // «Туризм и образование», 2000.06.15]. Заметим, что использование императивов 2-го лица в рекламных текстах выше (0,35%), что объясняется задачей не только включить читателя в диалог, но и побудить к конкретному действию.

Официально деловая и учебно-научная сферы предусматривают прямой диалог только в определенных речевых жанрах, что и находит отражение в корпусе. Большинство употреблений форм 2-го лица связаны с официальными интервью: *Вопрос: Как Вы **оцениваете** сегодняшние российско-латвийские экономические отношения?* [И. И. Студенников. Интервью латвийской газете «Телеграф» // «Дипломатический вестник», 2004]. Или с учебными и научно-популярными текстами, пытающимися привлечь и удержать внимание читателей.

В целом установка на вступление в коммуникацию и ее поддержание объясняют выбор говорящим форм 2-го лица. В подтверждение этого приведем данные употребления этих форм в основном корпусе, состоящем из письменных текстов, и корпусе устной речи (со снятой грамматической омонимией), представляющем собой расшифровку записей звучащей устной речи.

Таблица 3

Сравнительные данные основного и устного корпусов
со снятой омонимией

Корпус	Объем корпуса (количество слов)	Количество вхождений	% от общего количества словоупотреблений
Основной	6003398	15054	0,25
Устный	216112	1397	0,65

Представленные данные позволяют сделать ряд выводов. Меньшая востребованность форм 2-го лица настоящего времени глагола, отмеченная в АВС, находит свое подтверждение по данным, представленным в НКРЯ. Функция поддержания коммуникации (или ее иллюзии) определяет для говорящего выбор этих форм при порождении текста определенной функциональной сферы.

Литература

Борискина О. О. Корпусная vs. психолингвистика: конфронтация или кооперация // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2009. – № 2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/korpusnaya-vs-psiholingvistika-konfrontatsiya-ili-kooperatsiya> (дата обращения: 22.06.2019).

Дементьев В. В., Степанова Н. Б. Корпусные методы в исследовании речевых жанров: проблема ключевых фраз // Вестник РУДН. Серия: Лингвистика. – 2016. – № 3. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/korpusnye-metody-v-issledovanii-rechevyh-zhanrov-problema-klyuchevyh-fraz> (дата обращения: 22.06.2019).

Караулов Ю. Н. Ассоциативная грамматика русского языка. – М.: Русский язык, 1993. – 330 с.

Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. – М.: Издательство ЛКИ, 2010. – 264 с.

Караулов Ю. Н. Словарь Пушкина и эволюция русской языковой способности. – М.: КомКнига, 2006. – 168 с.

Красноперова Е. С. Усвоение грамматических форм в дошкольном онтогенезе // *Linguistica juvenis: сборник научных трудов молодых ученых / Урал. гос. пед. ун-т.* – Екатеринбург, 2016. – Вып. 18. – С. 69-76.

Красноперова Е. С. Психолингвистические технологии в обучении грамматике русского языка как неродного // *Linguistica juvenis: сборник научных трудов молодых уче-*

ных / Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2017. – Вып. 19. – С. 144-152.

Ляшевская О. Н. Корпусные инструменты в грамматических исследованиях русского языка. – М.: Издательский дом ЯСК, Рукописные памятники Древней Руси, 2016. – 520 с.

Национальный корпус русского языка. – URL: <http://ruscorpora.ru> (дата обращения: 22.06.2019).

Русская грамматика / под ред. Н. Ю. Шведовой. – М.: Наука, 1980. – Т. 1. – URL: <http://rusgram.narod.ru/1516-1548.html> (дата обращения: 22.06.2019).